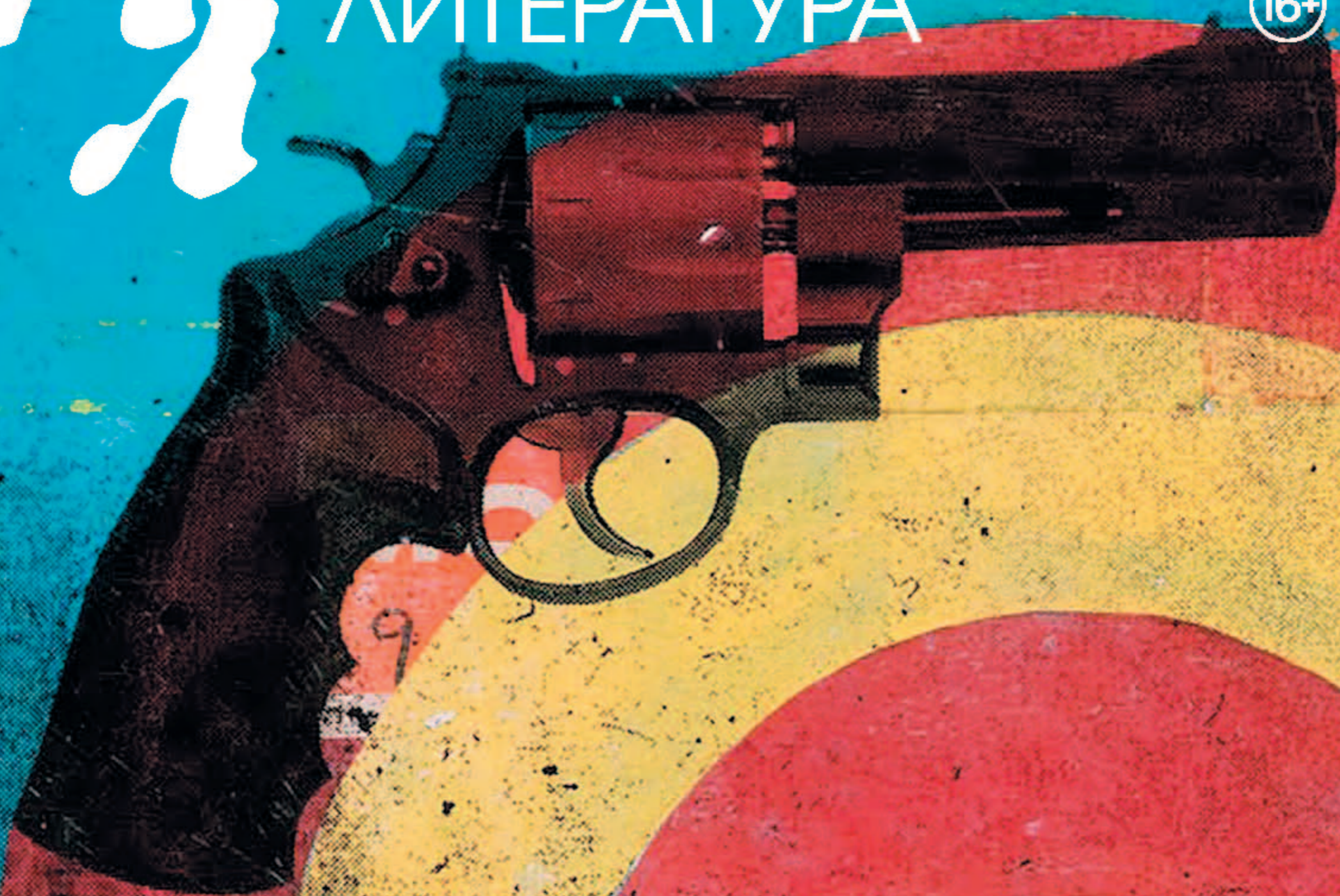

ИЛ

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ISSN 0130-6545

16+

HORSEPOWER

2018

1

СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР

“МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ...”

GET IN THE SPIRIT OF MARVEL

ОСНОВАН В 1955 ГОДУ

Место преступления...

Англия	3	РУТ РЕНДЕЛЛ <i>Колочие</i> яблоки. Рассказ. Перевод Т. Казавчинской
	35	ДЖОН ЛЕ КАРРЕ <i>Неразлучные</i> . Вступление к новому изданию "Шерлока Холмса". Перевод Т. Казавчинской
	38	УИСТЕН ХЬЮ ОДЕН <i>В убийстве подозревается священник</i> . Эссе. Перевод Ксении Атаровой и Анны Курт
Германия	48	САУЛ О'ХАРА <i>Последнее дело инспектора Кемпбелла, или Женитьба — всегда риск</i> . Пьеса-пародия. Перевод Э. Венгеровой
Испания	100	АНТОНИО МУНЬОС МОЛИНА <i>Вежливость незнакомцев</i> . Рассказ. Перевод Татьяны Родименко
Польша	118	КАТАЖИНА ПИСАЖЕВСКАЯ <i>Шоу лжецов</i> . Повесть. Перевод Елены Барзовой и Гаянэ Мурадян
США	211	ДЖЕФФРИ ДИВЕР <i>Дело смеющегося рыбака</i> . Рассказ. Перевод Павла Зайкова
	238	МАЙКЛ КОННЕЛЛИ и ДЕННИС ЛИХЕЙН <i>Без сна в Бостоне</i> . Рассказ. Перевод Павла Зайкова
	258	ДЖОН М. ФЛОЙД <i>План Молли</i> . Рассказ. Перевод К. Старосельской
	272	АННА ЗАКРЕВСКАЯ <i>Настоящий американский детектив: равнение на телевидение</i>
Авторы номера	283	

УИСТЕН ХЬЮ ОДЕН

В убийстве подозревается священник

Эссе

Перевод Ксении Атаровой и Анны Курт

Признание

Для меня, как и для многих других, чтение детективов сродни никотиновой или алкогольной зависимости. Симптомы таковы: во-первых, непреодолимая тяга. Если я что-то делаю, мне следует держаться подальше от детектива: ведь, начав его читать, я не могу ни работать, ни спать, пока не прочту до конца.

Во-вторых, избирательность: сюжет должен соответствовать определенным требованиям (скажем, мне трудно читать историю, которая происходит за пределами сельской Англии).

И в-третьих, однократность: прочитав детектив, я тут же его забываю и не хочу перечитывать. Если после нескольких страниц, а так иногда бывает, я вижу, что уже читал эту книгу, я прерываю чтение.

Все это убеждает в том, что для меня, во всяком случае, де-

Я не иначе узнал грех, как посредством закона.

Послание к римлянам 7:7

тективы не имеют ничего общего с произведениями искусства. Однако, возможно, анализ детектива (такого, какой доставляет удовольствие мне самому) может пролить свет не только на его магическое воздействие, но и — по контрасту — на воздействие произведения искусства.

Определение

Грубо говоря, определение "Кто это сделал?" является правильным. Основная формула такова: произошло убийство, подозревают многих; все, кроме одного (убийцы), постепенно исключаются из числа подозреваемых, убийца арестован или умирает.

Это определение исключает:

1. Изучение убийц, чья вина заранее известна (например, "Злое предумышление"). Есть пограничные случаи, когда убийца известен и нет неспра-

© 1948 by W. H. Auden, Reprinted by permission of Curtis Brown, Ltd. All rights reserved.

© Ксения Атарова, Анна Курт. Перевод, 2018

1. Криминальный роман (1931) Энтони Беркли Кокса (1893–1971), автора психологических детективов, пишущего под псевдонимом Фрэнсис Айкс. (*Зло в душе* — анал. перек.)

если подозревается, но доказательство отсутствует, как, например, во многих рассказах Фримена Уиллса Крофтса¹. Почти все они приемлемы.

2. Триллеры, шпионские рассказы, рассказы о профессиональных мошенниках, где обнаружение преступника вторично, а главное — провал преступного замысла.

В триллере интерес заключен в конфликте между добром и злом, между "мы" и "они". Интерес в наблюдении множества невинных за страданиями одного виновного. Интерес в детективе заключен в диалектике невинности и вины.

Подобно аристотелевскому описанию трагедии, здесь есть Сокрытие (невинный кажется виновным, а виновный — невинным) и Раскрытие (настоящий виновник обнаружен). Но возможна и загвоздка: не один поворот фортуны, а два — от кажущейся вины к невинности и от кажущейся невинности к вине. Формулу детектива можно изобразить так:

мирная жизнь до убийства — мнимая невинность
ложные улики, второе убийство и т. д. — обнаружение факта вины

разрешение загадки — ложное местонахождение вины
арест убийцы — истинное местонахождение вины
восстановление мира после ареста — катарсис
истинная невинность.

В греческой трагедии зрители знают правду, действующие

лица не знают ее, но по ходу развития сюжета открывают для себя эту правду либо дают свершиться неизбежному. В трагедии Нового времени, скажем, елизаветинской, зрители знают не меньше и не больше самых сведущих исполнителей. В детективе читатели не знают правды, а один из персонажей (убийца) знает ее; сыщик по своей воле направляет все усилия, чтобы открыть и обнаружить то, что убийца по своей воле старается скрыть.

В греческой трагедии и детективе есть одна общая черта, отличающая их от современной трагедии, а именно: характеры персонажей не меняются за время действия и в результате того, что с ними происходит, — в греческой трагедии потому, что все предопределено, в детективе потому, что главное событие — убийство — уже произошло. Поэтому время и место — это просто когда и где произойдет решающее событие или просто что должно случиться и что уже случилось. Вследствие этого детектив должен (и обычно так и бывает) подчиняться классическим единствам, тогда как в современной трагедии, где характеры развиваются во времени, следование единствам выглядит как *tour de force*. А триллер, как плутовский роман, даже требует частой смены времени и места.

Почему убийство?

Есть три вида преступлений: (А) грехи против Бога и ближнего (или ближних); (В) грехи против Бога и общества; (С) грехи против Бога. (Разумеет-

1. Фримен Уиллис Крофтс (1879—1957) — англо-ирландский автор детективов.

ся, любое преступление есть грех против самого себя.)

Убийство (и только оно) относится к классу В. Персонаж, обычный для любого преступления, в классе А может (во всяком случае теоретически) либо возместить ущерб потерпевшей стороне (например, украденные вещи возвращены), либо потерпевшая сторона может простить преступника (скажем, в случае изнасилования). Следовательно, общество в целом затронуто лишь косвенно; его представители (полиция и т. д.) действуют в интересах потерпевшей стороны.

Убийство отличается от других преступлений тем, что устраняет потерпевшего, поэтому общество должно занять место жертвы и от ее лица требовать возмещения ущерба или даровать прощение; это единственное преступление, в расследовании которого напрямую заинтересовано общество.

Многие детективные романы начинаются со смерти, которая сначала представляется самоубийством, но позднее оборачивается убийством. Самоубийство — это преступление, относящееся к классу С, в котором не заинтересованы (прямо или косвенно) ни близкие преступника, ни общество. Пока не опровергнута версия самоубийства, никто не вправе проявлять любопытство к подробностям дела. Как только доказано, что произошло убийство, официальное расследование становится обязанностью общества.

В детективе, как правило, пять групп участников: окружение, жертва, убийца, подозреваемые, сыщики.

Окружение (люди)

Требование детектива:

1. Замкнутое общество, при котором появление чужака-убийцы (а тогда общество было бы совершенно невиновным) исключено, при этом все представители этой группы тесно связаны между собой, так что подозревают всех (сравните с триллером, который требует открытого общества, где любой чужак может оказаться как другом, так и замаскированным врагом).

Этим условиям отвечает: а) группа близких родственников (рождественский обед в загородном доме); в) соседи, живущие недалеко друг от друга (деревня в Старом Свете); с) группа коллег (театральная группа); d) группа людей, оказавшихся в замкнутом пространстве (пассажиры в пульмановском вагоне).

В последнем случае принцип "сокрытие-раскрытие" соблюдается не только по отношению к убийце, но и ко всем членам группы, которые поначалу кажутся никак не связанными друг с другом, но позднее выяснится, что связаны.

2. Окружение должно казаться в высшей степени невинным обществом, находящимся в состоянии благодати, то есть обществом, где нет нужды в законе, нет противоречия между эстетическим индивидуумом и этическим универсумом и где убийство — неслыханный акт, бросающий в пучину кризиса (так как оно обнаруживает, что один из членов общества пал и не пребывает более в благодати). Тогда закон становится реальностью, и на какое

то время все должны пребывать в его тени, пока падший не выявлен. С его арестом невиновность восстановлена, и закон удаляется навсегда.

Поэтому персонажи детектива должны быть эксцентричными (эстетически привлекательными) и добрыми (с врожденным этическим чутьем) – во всяком случае, добрыми, согласно первому впечатлению, которое на поверку оказывается ложным, либо они действительно поборники добра, которое вначале скрывалось под маской зла.

Многие авторы детективов, руководствуясь здоровым инстинктом, выбирают в качестве места действия колледж. Господствующая страсть идеального профессора – погоня за знаниями как таковыми, поэтому с другими людьми он связан лишь косвенно – их связывает лишь стремление к истине; такие страсти, как вождение, алчность, зависть, которые напрямую связывают людей и могут привести к убийству, в его случае полностью исключены. Если убийство происходит в колледже, значит, один из коллег не только плохой человек, но и плохой преподаватель. Базовая предпосылка академической науки, что истина универсальна и распространяется на всех, предполагает, что знание (*gnosis*) о конкретном преступлении сродни познанию абстрактных идей, хотя такой параллелизм несколько пародийен.

(Еще более неподходящей ситуацией является убийство в монастыре; оно исключено, так как монахи регулярно исповедуются, и, хотя убийца может не признаться в преступлении,

другие подозреваемые, виновные в мелких грехах, не станут их скрывать, иначе само их пребывание в монастыре было бы абсурдным. Кстати, можно ли считать случайностью, что детективный жанр расцвел преимущественно в протестантских странах?)

Кроме того, автор детективов достаточно опытен – он выбирает общество с устоявшимися обычаями и традициями и подробно его описывает. Обычаи указывают на гармонию между эстетикой и этикой, при которой тело и ум, индивидуальная воля и всеобщие законы не противоречат друг другу. Знание местных обычаев помогает убийце совершить преступление, и поймать его может лишь тот, кто знает их столь же хорошо или даже лучше.

Окружающая обстановка (природа)

В детективе, как и в его зеркальном отражении – повествовании о поиске чаши Грааля, желательны, чтобы был соблюден ритуал места и ритуал времени.

Природа должна быть отражением населяющих ее людей, то есть она должна быть Великим Местом Добра, потому что, чем больше это место походит на Эдем, тем сильнее ему противоречит убийство. Сельская местность предпочтительней города, богатый район (но не слишком роскошный, иначе возникнет подозрение в несправедном богатстве) лучше трущоб. Труп должен шокировать не только потому, что это труп,

но и потому, что он здесь шокирующе неуместен, словно оставленная собакой куча на ковре в гостиной.

Мистер Раймонд Чандлер написал, что собирается убрать тело из сада приходского священника и вернуть убийство тем, кто знает в этом толк. Если он хочет писать детективы, то есть истории, где главный интерес читателя заключается в том, кто убил, то он жестоко ошибается, потому что в среде профессиональных преступников единственно возможным мотивом для желания обнаружить убийцу являются шантаж и месть, которые направлены на отдельных лиц, а не на общество в целом, но в равной мере могут повлечь за собой убийство. Что бы ни говорил мистер Чандлер, думаю, что он заинтересован в создании не детектива, а серьезного исследования преступного мира — Великого Места Зла, и его мощные, но чрезвычайно гнетущие книги нужно читать и оценивать не как развлекательную литературу, а как произведения искусства.

Жертва

Жертва должна удовлетворять двум противоречивым требованиям. Она должна вовлечь всех в круг подозреваемых — тогда требуется, чтобы это был отрицательный персонаж, и она должна вызывать у всех чувство вины — тогда это положительный персонаж. Жертва не может быть преступником, потому что тогда его судили бы по закону и убивать его было бы незначем. (Единственное престу-

пление, в котором он может быть повинен, — шантаж.) Чем большему числу людей хотелось бы его убить, тем лучше; жажда свободы — предпочтительнее, чем только деньги или только секс. Наилучшие жертвы — плохой отец или плохая мать.

Если происходит более одного убийства, то вторая жертва должна быть более невиновной, чем первая, то есть убийца, столкнувшись с действительной несправедливостью и начав бороться с ней незаконными средствами, в дальнейшем, против своей воли и усугубляя свою вину, вынужден убить еще одного ни в чем не провинившегося перед ним человека.

Убийца

Убийца — отрицательный персонаж, бунтарь, претендующий на право быть всемогущим. Его пафос в том, что он не согласен страдать. Задача писателя постараться скрыть его дьявольскую гордыню от других персонажей и читателей, ведь если человеку присуща гордыня, она проявляется во всем, что он говорит и делает. Поразить читателя, когда убийца разоблачен, и в то же время убедить читателя, что все, что говорилось об убийце раньше, соответствует его преступной натуре, — вот тест на качество детектива.

Из трех вариантов возмездия — казнь, самоубийство, безумие — первый предпочтительней. Если убийца кончает с собой, он отказывается от раскаяния, если сходит с ума, он не может раскаяться, а если он не

раскаивается, общество не может его простить. С другой стороны, казнь — искупление, благодаря которому общество прощает убийцу. В жизни я противник смертной казни, но в детективе у убийцы не должно быть будущего...

Подозреваемые

Общество в детективе состоит из внешне невинных личностей, это значит, что их эстетические пристрастия не противоречат их этическим обязательствам перед миром. Убийство — разрушительное действие, в результате которого невинность утеряна, теперь личность и закон противостоят друг другу. В отношении убийцы эта оппозиция вполне реальная, в отношении подозреваемых — по большей части мнимая.

Но чтобы существовало это кажущееся противоречие, в нем должно быть и что-то от реальности, то есть неправильно, если подозрения будут основаны просто на случайности или вызваны лишь ухищрениями убийцы. Подозреваемые должны быть в чем-то виновны, так как теперь эстетика и этика противостоят друг другу, и, если подозреваемые полностью невинновы (не нарушают законов этики), они утрачивают эстетический интерес для читателя.

Подозреваемые могут быть виновны в следующем:

1. желанием или даже намерением убить;
2. преступлениях из класса А или пороках из класса С (незаконная любовная связь), ко-

торые подозреваемый боится или стыдится открыть;

3. интеллектуальной гордыне (*hubris*), когда человек сам пытается раскрыть преступление и презирует полицию (уверенность в превосходстве эстетики над этикой). Если эта гордыня достаточно сильна, человек погибает;

4. гордыне невинности, не позволяющей помогать расследованию;

5. отсутствии веры в любимого человека, которого тоже подозревают, заставляющем подозреваемого скрывать или путать следы.

Сыщик

Безупречные сыщики чрезвычайно редки. Я знаю только троих: Шерлок Холмс (Конан Дойл), инспектор Френч (Фримен Уиллс Крофтс) и отец Браун (Честертон).

Задача сыщика — восстановить состояние благодати, в котором эстетика и этика едины. Поскольку убийца, нарушивший это единство, не повинует эстетическому чувству, его оппонент — сыщик должен быть либо официальным представителем этического начала, либо исключительной личностью, исполненной благодати. В первом случае он — профессионал, во втором — любитель. В любом случае сыщик должен быть совершенно посторонним человеком, непричастным к преступлению, за исключением местной полиции или, как я полагаю, случаев, когда сыщик — друг одного из подозреваемых. Профессиональный сыщик обладает преимуществом: по-

сколькo он не частное лицо, а защитник общественной этики, у него нет личных мотивов для расследования преступления, но в силу тех же причин он не может смотреть сквозь пальцы на мелкие этические прегрешения подозреваемых, поэтому ему труднее завоевать их доверие.

С другой стороны, большинство сыщиков-любителей небезупречны: они либо самодовольные супермены, как лорд Питер Уимзи¹ и Филон Вэнс², для которых расследования не более чем прихоть, либо, подобно сыщикам школы "крутого детектива"³, ими движет алчность или честолюбие, то есть они и сами могли бы быть убийцами.

Гениальный сыщик-любитель может иметь слабости, вызывающие к нему эстетический интерес, но они не должны оскорблять этическое чувство. Самые прощительные слабости — вкусная еда и выпивка или мальчишеское бахвальство. В отношении секса сыщик должен либо сохранять целибат, либо состоять в счастливом браке.

1. Сыщик из романов Дороти Ли Сайерс (1893–1957) "Групп в оранжее", "Неприятное происшествие в Беллонском клубе, или Напергонки со смертью", "Пять отвлекающих маневров", "Почерк убийцы, или Девять ударов за упокой" и др.

2. Сыщик из знаменитого фильма 1930 г. "Дело об убийстве спискота".

3. Школа "крутого детектива" — разновидность более жесткого, несентиментального, даже циничного детектива, возникшая в середине 20-х гг. прошлого века в творчестве Каррoлла Джона Дейли, Дэшила Хэммета и, позднее, Раймонда Чандлера.

Между сыщиком-любителем и профессиональным полицейским стоит адвокат по уголовным делам, чья цель (*telos*) не раскрыть преступление, а доказать, что его клиент невиновен. Его этическое оправдание в том, что человеческий закон этически несовершенен, то есть не является абсолютной манифестацией универсального и божеского, а подвержен случайным эстетическим ограничениям, значит, зависит от ума или глупости конкретного полисмена или присяжных (вследствие чего невинный человек может быть иногда несправедливо осужден).

Чтобы исправить это несовершенство, решение принимается в эстетической схватке: интеллект защиты против интеллекта обвинения, подобно тому как в былые времена спорные случаи решались в бою между обвиняемым и обвиняющим.

Поэтому адвокат (например, Джошуа Кланк¹) никогда не бывает полностью прав, так как предан своему клиенту, которого не может оставить, не нарушив своих обязанностей адвоката, даже если его клиент действительно виновен.

Шерлок Холмс

Холмс — исключительная личность, которая пребывает в благодати, так как является гением, у которого научная любозна-

1. "Адвокат с слейными манерами и сомнительной репутацией" из романа Генри Бейли "Тайна Гарстонов".

тельность доведена до статуса героической страсти. Он — зрелый, но в узко профессиональной области (скажем, он имеет острое представление о гелиоцентрической системе Коперника); во всем, что не относится к его деятельности, он беспомощен, как ребенок (вспомним его неопытность). За свою приверженность науке (пренебрежение чувствами) он расплачивается меланхолией, которая нависает над ним каждый раз, когда он не занимается очередным расследованием (отсюда его игра на скринке и увлечение хоккеем).

Его желание стать сыщиком (позитивный мотив) — любовь к истине (чувства виновных или невиновных его не интересуют), а также (негативный момент) стремление уйти от меланхолии. Его отношение к людям, а также способ наблюдения и дедукции такие же, как у химика или физика.

Он выбирает людей, а не бездушную материю, потому что изучать неодушевленные предметы легче, в этом нет ничего героического: в отличие от людей они не могут думать; общаясь с людьми, нужно обладать куда более острой наблюдательностью и железной логикой.

Инспектор Френч

По своему происхождению и культурному уровню он — типичный инспектор Скотланд-Ярда. (Тип старого инспектора, выпускника Оксфорда, переносим.) Им движет долг. Холмс расследует преступления из любви к искусству и

равнодушен ко всем проявлениям чувств, кроме чувства самосохранения. Френч расследует преступления ради невиновных представителей общества и безразличен только к собственным чувствам и чувствам убитой. (Он предпочел бы оставаться дома с женой.) Он исключителен лишь в своей исключительной преданности долгу, которая делает его исключительно скрупулезным; он делает не более того, что могли бы делать и другие, обладай они его исключительным терпением (находит малейшие просчеты в алиби, которые в спешке были упущены). Он может перехитрить убийцу отчасти потому, что тот не столь скрупулезен, а отчасти потому, что убийца действует в одиночку, тогда как Френчу помогают все честные люди, исполняющие свой долг: почтальоны, железнодорожные служащие, молочники и т. д., которые случайно оказались свидетелями.

Отец Браун

Он, подобно Холмсу, любитель; однако, подобно Френчу, не одинокий гений. Расследования преступлений — лишь часть его миссии пастыря, пекущегося о людских душах. Им прежде всего движет сострадание, в котором более всего нуждается виновный, а не невиновный. Он расследует убийство не из интереса как такового и даже не ради невиновного, а ради убитой, который может спасти свою душу, признавшись и раскаявшись. Он распутывает преступления, подходя

к ним не объективно, как ученый или полицейский, а субъективно, воображая себя убийцей, и этот способ полезен не только убийце, но и самому отцу Брауну: ведь, по его словам, это позволяет человеку рассказать заблаговременно.

Холмс и Френч могут помочь убийце лишь как учителя: они могут объяснить, что его преступление будет раскрыто и за ним последует расплата. Ничего большего они сделать не в силах, поскольку убийство их не вводит в соблазн: Холмс слишком одаренный человек, Френч слишком добродетельный. Отец Браун может сделать нечто большее и быть живым примером человека, которого тоже соблазняет убийство, но который, благодаря своей вере, может устоять перед искушением.

Читатель

Самое любопытное в детективе то, что чаще всего им увлекаются люди, равнодушные к другим видам развлекательной литературы. Типичный любитель детективов — врач, священник, ученый, художник, то есть вполне успешный профессионал, мыслящий и начитанный в своей области, который не переваривает "Сатердей ивнинг пост", "Правдивые признания"¹, киножурналы и комиксы. Если я спрашиваю себя, почему меня ос-

тавляют равнодушным истории о сильных молчаливых мужчинах и прелестных девушках, которые предаются любви на лоне природы и получают в финале миллион долларов, то я не могу сказать, что никогда не представляю себя красивым, любимым и богатым, потому что — да, представляю (хотя, возможно, я достаточно преуспел в жизни, чтобы не быть столь наивным или завистливым, как некоторые). Но могу сказать, что я слишком хорошо осознаю нелепость подобных желаний, чтобы получать удовольствие от чтения таких сюжетов в печатной продукции.

Я могу сопротивляться подобным желаниям и искушениям, но не могу не иметь их, и то, что они у меня есть, вызывает у меня угрызения совести, поэтому вместо того чтобы позволить себе подобные удовольствия хотя бы в мыслях, я думаю о том, как избавиться от искушений и чувства вины. Это происходит все время и это неизбежно, потому что вина — субъективное чувство, и всякий следующий шаг ее удваивает: вина за то, что чувствую себя виноватым. Подозреваю, что типичный читатель детективов, как и я, страдает от ощущения греха.

С точки зрения этики, желания и поступки бывают хорошими и дурными, и я должен выбрать добро и отринуть зло, но "я", которое делает этот выбор, — само по себе нейтрально, оно становится добрым или злым только из-за своего выбора. Испытывать чувство греха — значит чувствовать себя виноватым за то,

1. Журнал, рассчитанный в основном на молодых женщин, основан в Миннесоте в 1922 г., первый редактор Джек Смолли.

что нужно сделать этический выбор, и эта вина, каким бы "добрым" я ни стал, никуда не исчезает. Иногда говорят, что детективы читают почтенные, законопослушные граждане, чтобы в своем воображении утолить жажду убийства или насилия, которую они не осмеливаются или стыдятся осуществить на деле. Возможно, это относится к читателям триллеров (которые мне редко доставляют удовольствие), но не имеет никакого отношения к читателям детективов.

Наоборот, магическое удовольствие, которое доставляют детективы (которое и делает их развлекательным чтением, а не произведением искусства), заключается в иллюзии нашей отстраненности от убийцы.

Магическая формула, скорее, в том, что невинность содержит вину, а не в подозрении в вине другого, которое с него снято; исцеление происходит не благодаря мне или моим близким, а благодаря чудесному вмешательству гения извне, который устраняет вину тем, что дарует знание об этой вине. (Таким образом детектив подтверждает фантазию Сократа: "Трех — это невежество".)

Если говорить о произведении искусства, рассказывающем об убийстве ("Преступление и наказание"; к примеру), то его цель — заставить читателя идентифицировать себя с убийцей, чего читатель предпочел бы не признавать. Идентификация в фантазийном жанре — всегда попытка избежать собственных страданий, идентификация в произведе-

нии искусства есть разделение с другим его страданий. "Процесс" Кафки — другой пример разницы между произведением искусства и детективом. В детективе точно известно, что преступление совершено, но до поры до времени неясно, кто в нем виновен; как только преступник найден, невинность всех остальных становится очевидной. (Если бы вдруг обнаружилось, что никакого преступления не было, тогда все были бы невиновны.) В "Процессе", наоборот, вина очевидна, а в отношении преступления все неясно; цель расследования, которое ведет герой, — не доказать свою невинность (это было бы невозможно, ведь он знает, что виновен), а обнаружить, что он сделал, и сделал ли что-либо, чтобы стать виновным. По существу, главный герой Йозеф К. — это портрет человека, который читает детективы, чтобы уйти от реальности.

Таким образом, фантазия, которой предается любитель детективов, — это мечта о возвращении в сад Эдема, в состояние невинности, где он может познать любовь как любовь, а не как закон. Движущей силой этой мечты является ощущение вины, причина которой неизвестна мечтателю. Стремление уйти от реальности будет все тем же, как бы эту вину ни объясняли — в христианских, фрейдистских или других терминах. С другой стороны, то, как человек встречает реальность, конечно зависит, в значительной степени, от его веры.